

ПРЕДИСЛОВИЕ

В системе университетского филологического образования курс «Истории русской литературы первой трети XIX века» занимает особое место. Он вводит студентов в пространство русской классической литературы, знакомит с творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя, с Золотым веком русской поэзии. Именно в этот период русской словесной культуры формируется ее национальное своеобразие, оформляется тот комплекс идей и образов, которые определят ее последующее развитие. Неразрывная связь литературы с общественно-философской мыслью и историософскими концепциями, рожденными атмосферой патриотической и гражданской экзальтации эпохи Отечественной войны 1812 г. и декабристского движения, обостряет проблему героя своего времени как представителя молодой русской интеллигенции. Путь от комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» к роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» выявляет этапы становления антропологических универсалий и одновременно открывает природу психологического анализа в русской литературе.

В связи с этим обостряется интерес к национальной истории, что проявляется в отборе материала и формировании принципов историзма в литературе. Появление «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина как источника литературных сюжетов и объекта полемики способствует становлению историзма как методологической основы новой литературы. «Думы» Рылеева и трагедия Пушкина «Борис Годунов», созданные почти одновременно, диалог их авторов — свидетельство актуализации этой проблемы уже в середине 1820-х годов. 1830-е годы как эпоха прозы открывают перспективы исторической повести и романа. «Тарас Бульба» Гоголя и «Капитанская дочка» Пушкина становятся высшим достижением этого процесса.

Национальное своеобразие русской классики неразрывно связано с проблемой народности, получившей в это время свое эстетическое обоснование и художественное воплощение. Образ нации и природа народного мышления — в центре поисков и споров эпохи 1800—1830-х годов. «Архаисты» и «новаторы», дискуссия о балладах Жуковского, столкновение позиций элегического и гражданского направлений в романтизме, басенное творчество «дедушки Крылова», развитие литературной сказки, открытия Пушкина и путь к национальной эпопее, поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» — за всем этим стоит комплекс философско-исторических идей, система новых героев и жанровых экспериментов. Русская литература ищет свое место и определяет свое лицо в общеевропейском контексте, формируя идеи «всемирной отзывчивости».

Историко-литературный процесс 1800—1830-х годов — эпоха бурного развития художественного мышления, выработки нового взгляда на человека и окружающий мир. Неоклассические и сентименталистские тенденции в литературе начала века сменяются формированием романтизма как литературного направления и художественного метода. Путь к диалогу культур, зримо проявившийся в активизации переводной литературы, связан с восприятием идеей немецкой классической философии и немецкого романтизма, осмысливанием природы французского социально-психологического романа, с феноменом Байрона и Вальтера Скотта. Уроки европейского романтизма способствуют становлению национального художественного сознания и движению к поэзии действительности.

Важным моментом этого движения является соотношение поэзии и прозы не только как форм литературного творчества, но и как объектов эстетической рефлексии и жизненной позиции. «Стихи и проза <...> не столь различны меж собой», «Лета к сурговой прозе клонят» — за этими хрестоматийными пушкинскими суждениями открываются характерные тенденции историко-литературного процесса. Золотой век поэзии сменяется эпохой повести и романа, на смену поэме приходит стихотворная повесть. Общий процесс демократизации культуры вносит суще-

ственные коррективы в язык и стиль поэзии, ведет к сближению и взаимодействию поэзии и прозы.

Все эти тенденции литературного развития требуют особого внимания к тексту произведения как феномену словесной культуры. Процесс становления русской классической литературы обнаруживает природу своих открытых в слове как объекте и субъекте авторской рефлексии. Личность автора-творца выявляет мироиздательский характер творчества, где «Жизнь и Поэзия одно».

Предлагаемое учебное пособие ни в коей степени не дублирует лекционный курс, который в течение многих лет автор читал на филологическом факультете Томского государственного университета. Между устным дискурсом лекций и письменным дискурсом пособия существует принципиальная разница. Конечно, и в том и в другом случае важно, как «слово наше отзовется». Но в книге практически невозможно воссоздать эмоциональную атмосферу лекции, связанную с чтением текста: отдельных стихотворений, отрывков из больших произведений, замечаний по поводу. Учитывая особый колорит курса — его лирикоцентрический характер как отражение эпохи Золотого века поэзии, звучание текста, акустическое восприятие слова лектора имеет первостепенное значение. Именно поэтому в учебном пособии была сделана попытка воссоздать поэтический мир писателя прежде всего через слово, через своеобразие его художественного мышления. Многочисленные цитаты как фрагменты и сегменты текста выполняют эту задачу, но главное — их включение в общую систему творчества, осмысление как своеобразных поэтических концептов. Этому способствуют выборки отдельных слов, понятий, образов из большого творческого контекста писателя. Для более активного погружения читателя в этот материал цитаты сопровождаются ссылками на собрания сочинений.

Исследовательская традиция, проявившаяся в существовании особых областей филологического знания: пушкиноведение, лермонтоведение, гоголеведение, в усилившемся интересе к появлению большой новой литературы о творчестве Жуков-

ского, Батюшкова, Баратынского, поэзии декабристов и представителей пушкинского круга, обусловила необходимость не просто учитывать эти достижения отечественного литературоведения, нередко ставшие уже его классикой, но и постоянно обращать взор молодых филологов на этот фундамент их профессионального роста. Не только список рекомендуемой литературы, приведенный в конце учебника, но и ссылки на эти исследования в самом тексте имели методологический характер, ибо способствовали формированию определенных историко-литературных понятий и внедрению в сознание читателей, прежде всего студентов, имен и сочинений лучших представителей филологической науки.

Как попытался показать автор предлагаемого учебника, история русской литературы первой трети XIX в. — это сложный комплекс этико-философских, общественно-исторических и эстетических проблем, связанных с духом времени и проявившихся в процессе становления литературы нового времени, сформировавших идеологию русского Ренессанса. Отбор материала и его интерпретация были обусловлены прежде всего интересом к проблеме авторского сознания как миромоделирующего фактора словесной культуры. Именно поэтому в центре наших размышлений — личность и творческие поиски А.С. Пушкина как своеобразного репрезентанта эпохи и ярчайшего воплощения национального гения. Но это вовсе не значит, что творчество других представителей этого периода русской литературы оказалось в тени Пушкина. Для нас важно было обозначить характерные тенденции художественного развития 1800—1830-х годов именно как сложного историко-литературного процесса. И каждое из явлений этого процесса — звено в общей системе русской словесной культуры, связанное с именем Пушкина, но одновременно выявляющее как истоки его появления, так и развитие его поэтической традиции.

Томский университет давно уже стал признанным центром по изучению и изданию творческого наследия В.А. Жуковского, которого не без основания считают духовным и поэтическим на-

ставником Пушкина. Именно поэтому его поэзия занимает особое место в разговоре о допушкинской эпохе.

Разумеется, никакой учебник не может охватить всего материала данного периода истории литературы и представить творчество всех его многочисленных представителей. У автора учебника не было такого стремления не только потому, что «нельзя объять необъятное», но и потому, что и объем издания, и сам характер учебного процесса не предполагают фронтального обзора всего историко-литературного процесса. Важнее было ввести этот материал в систему определенных понятий, придать ему эстетический масштаб и выявить характер художественных открытий его виднейших деятелей. Очерк эпохи и ее литературной жизни, обзоры поэзии и прозы дополняют общую картину и расширяют представление о тенденциях развития словесной культуры этого времени.

Все остальные необходимые для работы над курсом сведения можно почерпнуть в существующих и широко используемых в педагогической практике учебниках, прежде всего вышедшей четырьмя изданиями «Истории русской литературы XIX в. (I-я половина)» А.Н. Соколова, а также из двух коллективных академических трудов «История русской литературы» (1941–1956, 1980–1983), из более специальных, но не менее значимых «История русского романа: В 2 т.» (М.; Л., 1962–1964), «История русской поэзии: В 2 т.» (Л., 1968–1969), «Русская повесть XIX века» (Л., 1973), «История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века» (Л., 1982). Их авторы – виднейшие отечественные филологи, авторитетные исследователи творчества как отдельных писателей, так и целых периодов отечественной литературы. Сравнение их методологических принципов и исследовательских установок в оценке тех или иных произведений – благодатный материал для аналитической работы молодого филолога. Не менее полезны для выработки методики целостного анализа текста могут стать следующие научные издания: «Поэтический строй русской лирики» (Л., 1973), «Стихотворения Пушкина 1820–1830-х гг.» (Л., 1976), «Анализ драматического произведения» (Л., 1988), «Анализ одного стихотворе-

ния» (Л., 1985), «Анализ поэтического текста» Ю.М. Лотмана (Л., 1972) и др.

В разделе «Методические указания», кроме традиционных планов практических занятий, списков рекомендуемой литературы и вопросов для подготовки к экзаменам, автор решил предложить вниманию читателей синхронистические таблицы поэзии В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, которые, как показывает опыт работы над курсом, помогают студентам ориентироваться в этом непростом материале.

Особенности литературного движения 1800—1830-х годов

Русский Ренессанс. История и современность. Чувство национального самосознания и «распространение души». Патриотический энтузиазм, гражданская экзальтация, философская рефлексия — путь от 1810-х к 1830-м годам. «Страдалец русской сознательной жизни»: пути и судьбы русской интеллигенции. Феномен жизнестроительства: «молодые генералы своих судеб». Философская картина мира: свободолюбивые идеалы, мистика и религия, идеализм. Золотой век русской поэзии и пушкинская эпоха. Возрастание чувства личности, рост гуманистического начала и расширение мирового опыта как характерные особенности нового мышления и новой словесной культуры.

Русский Ренессанс

Определения, характеризующие эпоху русской жизни и словесной культуры 1800—1830-х годов, столь многочисленны, что нелегко найти всеобъемлющее и синтезирующее все остальные. Эпоха национального самосознания и гражданской экзальтации, Золотой век русской поэзии и пушкинская эпоха, время становления государственной идеологии и кризиса реформаторства, формирования философского идеализма и крушения идеалов, рождения нового человеческого типа, героя своего времени и эпоха безвременья — все эти обозначения достаточно протяженной и в то же время спрессованной эпохи или передают ее какую-то одну грань, или отражают лишь один этап ее развития, или требуют продолжения как звенья в цепи общего культурно-исторического развития.

Три царствования: первое — завершившееся дворцовым переворотом 19 марта 1801 г., убийством императора Павла I; второе — вполне развившееся на глазах русского общества и

европейского мира, полное противоречий правление Александра I, окончившееся его таинственной смертью в Таганроге и продолжившееся легендой о старце Федоре Кузьмиче; третье — незавершенное к концу означенной эпохи и вызвавшее самые диаметральные суждения у современников и потомков правление Николая I. Но императоры уходили и приходили, а эпоха оставалась в памяти русского общества как время высшего взлета национальной культуры и как Золотой век русской поэзии.

Именно поэтому можно с полным основанием говорить, что это была эпоха Русского Ренессанса во всем смысле и объеме этого понятия. Всматриваясь в аналогичные явления предшествующего мирового культурного процесса, прежде всего в эпоху Итальянского Возрождения, можно констатировать: сам аромат и дух времени, связанный с расцветом искусства, раскрепощением личности, торжеством гуманизма как вероисповедания — всё это сближает разделенные пространством и временем две эпохи, хотя очевидно их «лица необщье выражение», обусловленное духом времени и типом национального мышления.

Новая русская культура, классическая литература XIX в. рождались на рубеже эпох. Еще были живы литературные патриархи XVIII в. — Державин, Дмитриев, Карамзин, но ситуация «уже не» и «ещё не» как период брожения, перепутья настойчиво заявляла о себе. Обостренная политическими событиями самого начала века, связанная не только с дворцовым переворотом 1801 г., но и рождением дворянской оппозиции, эта социокультурная ситуация была тесно вписана в новое мышление и новое сознание. «Время, вперед!» — в этом призыве голоса истории и культуры, языка и философии, искусства и политики были неразделимы.

Архитектурный стиль ампира, проявивший свои зримые черты в творениях А. Воронихина и М. Казакова, С. Тончи и А. Витберга, символизировал мощь русской Империи, но вместе с тем выражал духовную силу народа-победителя в Отечественной войне 1812 г. Казанский собор в Петербурге, внешне

напоминая собор святого Петра в Риме, демонстрировал прежде всего своеобразие национального зодчества. Бурный всплеск монументальной скульптуры в памятниках И. Мартоса, С. Пименова, В. Демут-Малиновского, П. Клодта отражал масштаб и направление художественных поисков. Открытие в 1834 г. на Дворцовой площади в Петербурге Александровой колонны, «Александрийского столпа» стало событием общенационального значения. «Не вся ли это Россия? — писал в «Воспоминании о торжестве 30-го августа 1834 года» В.А. Жуковский, — Россия, созданная веками, бедствиями, победою?»¹

Путь русской живописи от «Последнего дня Помпеи» Карла Брюллова к «Явлению Мессии народу» Александра Иванова знаменателен. Идет поиск нового языка, нового художественного мышления, национальной идеи. Это с поразительной силой выразил Н.В. Гоголь в своих статьях, посвященных этим картинам.

Военная галерея Зимнего дворца Д. Доу, включающая около 300 портретов героев Отечественной войны 1812 г., замысел живописного собрания декабристов и их жен Н. Бестужева, образы деятелей русской культуры в творениях К. Брюллова, О. Кипренского, В. Тропинина, Г. Гиппиуса, акварельные портреты представителей русского дворянства П. Соколова и крестьянских типов А. Венецианова, графика и искусство медальера Ф. Толстого, жанровые сцены П. Федотова — эпоха и люди оживали в русской живописи 1810—1840-х годов, а русские художники пытались уловить бег времени и запечатлеть его дух. Прижизненные портреты Пушкина (а их до нас дошло более десяти), Жуковского, Лермонтова, Гоголя свидетельствуют, что виднейшие представители литературы были не просто объектами живописи, но и героями времени. Их визуальный облик и их вербальный образ были тесно взаимосвязаны.

Активно в русское бытовое и культурное сознание врывается в это время театр. Театральность, как убедительно показал Ю.М. Лотман, определяла «поведенческий текст» русской куль-

¹ Жуковский В.А. Полное собр. соч.: в 12 т. СПб., 1902. Т. 10. С. 31.

туры, глубинную связь человека и искусства, слова и дела, жеста и подлинных эмоций, «проникновение искусства в жизнь»² В драматургии В.А. Озерова «идеи сентиментализма, поднятые на уровень героики»³ в самом начале века, дали толчок для развития театрального стиля. Четыре трагедии Озерова: «Эдип в Афинах» (1804), «Фингал» (1805), «Димитрий Донской» (1807), «Поликсена» (1809), представленные на сценах московских и петербургских театров в течение 1804—1825 гг. около 180 раз, в со-пряжении античных, оссианических и национальных сюжетов, переложенных на язык чувствительности, создавали особую атмосферу экзальтации. Не случайно в 1914 г. Осип Мандельштам в стихотворении «Есть ценностей незыблемая скала...» сказал: «И для меня явленье Озерова — Последний луч трагической зари»⁴, тем самым подчеркнув масштаб его трагедий в истории русского театра.

Водевили А. Шаховского и балеты Дидло, закулисная жизнь, связанная с конкуренцией актеров, открытие Шекспира и Шиллера — всё это превращало театр из зрелица в зеркало жизни. «Живые картины», домашние театры интимизировали театральное пространство, превращая его в сценическую площадку ежедневной жизни. Вместе с тем появление «Горя от ума» Грибоедова, пушкинского «Бориса Годунова», гоголевской комедиографии, лермонтовского «Маскарада» выявляло общественную природу театра, его мироиздательскую функцию, роль театра как «второго университета», раздвигало пространство сцены до пространства бытия.

Ритмы эпохи, мелодии времени, звучащая душа нации выразились в музыкальной культуре 1800—1830-х годов, прежде всего в стихии романса, который был неразрывно связан с мелодикой русской народной песни. Классикой жанра стали романсы

² Лотман Ю.М. Театр и театральность в строем культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 635.

³ Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 53.

⁴ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1976. С. 222.

А. Алябьева, А. Варламова, А. Верстовского, А. Даргомыжского, А. Гурилева, М. Глинки. «Соловей» на слова А. Дельвига и «Вечерний звон» на слова И. Козлова обессмертили имя Алябьева, пушкинская «Черная шаль» нашла новую жизнь в музыке Верстовского, «Я помню чудное мгновенье» на музыку Михаила Глинки соперничало с пушкинским шедевром. Романсы А. Варламова «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», «Что отуманилась, зоренька ясная» и А. Гурилева «Матушка, голубушка», «Ласточка» открывали просторы для сближения салонной и народной культуры. Показательно, что в репертуар русской лирики этого времени вошли на правах самостоятельных жанров «песня» и «романс».

Рождение национальной оперы отмечено поисками А. Верстовского, А. Даргомыжского, М. Глинки. Если «Аскольдова могила» (1835) Верстовского вводила в русское оперное искусство историческую проблематику и фольклорные мелодии, то «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») М. Глинки стала торжеством русского оперного искусства, а 27 ноября 1836 г., день ее премьеры, можно считать днем рождения национальной оперы. В 1842 г. появится вторая опера Глинки «Руслан и Людмила» — дань пушкинскому гению и символ глубинной связи музыки и литературы. Звуки и ритмы «Камаринской», «Вальса-фантазии» Глинки словно аккомпанировали легкому дыханию эпохи и духу национального самосознания.

Вся стихия русской музыки этого времени пропитана, озвучена голосами русских поэтов. Именно лирика правит бал на этом музыкальном смотре.

Русский Ренессанс, и в этом, наверное, его национальное своеобразие, глубоко литературоцентричен. Особая роль литературы, поэтического слова в русской культуре XVIII в. во многом определялась позицией общественного человека, связанного с государственной службой. Именно ода и сатира формировали модель поэзии как ораторского и публицистического жанра. В русской лирике первой трети XIX в. особое место при надлежит частному человеку, открытому миру, «всем впечатлениям бытия». Его рефлексия заполняет всё пространство жиз-

ни, устремляется к субстанциальным проблемам. Элегия, песня, дружеское послание становятся формами времени. Многоголосие русской поэзии поистине ренессансно; оно следствие многостороннего взгляда на окружающую жизнь. Гоголь сравнивал русскую поэзию с «разнозвонными колоколами» или «бесчисленными клавишами одного великолепного органа». «Поэзия наша, — говорил он в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», — пробовала все аккорды, воспитывалась литературами всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служению более значительному»⁵. «Всемирная отзывчивость» русской поэзии отражала эпоху своеобразного возрождения русской нации, ее патриотическую и гражданскую экзальтацию.

Итак, Русский Ренессанс определил идеологию и философию времени, а причинно-следственная связь ренессансного мышления и русской историософии диалектична.

Исторический контекст русской культуры

Русскую культуру этого времени невозможно представить без большого исторического контекста. Это была эпоха бурных общественно-политических потрясений, время своеобразной перестройки сознания. Еще были живы в памяти поколения уроки Великой французской революции, идеология просветителей; этико-философские открытия Вольтера, Руссо входили в генетическую систему национального мышления, рождая целое поколение вольтерьянцев и руссоистов. Но европейский опыт и уроки революций уже соотносились с потрясениями и открытиями собственной истории, прежде всего с событиями Отечественной войны 1812 г. Главное следствие и последствие этих судьбоносных для России событий — рождение национального самосознания, ощущение духовной силы русского человека и

⁵ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. VIII. Изд. АН СССР, 1952. С. 407.

всей нации. Заграничные походы русских войск, военные кампании 1805–1807 гг., партизанское движение, изгнание Наполеона из России, пожар Москвы в 1812 г. и вступление русских войск в Париж в 1813 г. — всё это открывало глаза на мир и рождало новое зрение, новый взгляд. Русские в 1812 г. — это новое поколение «молодых генералов», это «эскадроны гусар летучих», это Власы и Карпы, поднявшие «дубину народной войны». Чувство национального достоинства, социальной несправедливости, высшей гуманности обострялось. История была уже не только в умах, но и в сердцах нации.

«Он наш последний летописец и первый историограф», «подвиг честного человека» — эти пушкинские характеристики-афоризмы точно передают масштаб подвижнической деятельности Н.М. Карамзина, автора «Истории государства Российского», величайшего памятника русского национального самосознания. В течение почти четверти века, с 1803 по 1826 г., основоположник русского сентиментализма, автор «Писем русского путешественника» и «Бедной Лизы», журналист энциклопедического масштаба, «постригся в историки». Но его «постриг» не был бегством от современности. В атмосфере патриотического подъема 1812 г. и «гражданской экзальтации» декабристских 1820-х годов он разжигал костер национального чувства, как Колумб, открывая русским Древнюю Русь и татаро-монгольское иго, междуусобицы и злодеяния Ивана Грозного, трагедию Бориса Годунова, освоение Сибири и русско-шведские войны.

Сюжеты русской истории, документированные самым тщательным образом и вместе с тем изложенные страстно, языком художника, входили в плоть русской словесной культуры, в русское общественное сознание. С удивительным стратегическим чутьем и тактическим мастерством Карамзин «кормил» русское общество его историей: сначала в 1818 г., обрушив на него сразу 7 томов, чтобы оно с головой погрузилось в море исторических страстей, насладилось их разгулом и размахом, а затем в 1821 г. вылил на него ушат ледяной воды, рассказав о злодеяниях Ивана Грозного. Фрагменты из своего творения он

читал на заседаниях «Арзамаса» еще до публикации; полемика об этом сочинении на страницах журналов будоражила всех. «История» Карамзина не была памятником или бесстрастной летописью; она без ложных и прямолинейных аллюзий была современной в высшем смысле этого слова, ибо в ее подтексте ощущались и отзвуки Великой французской революции, и уроки пугачевщины, и масштаб Отечественной войны, и опасность деспотии. Историю государства Российского он рассматривал прежде всего как носитель идеи государственной целостности, как выражатель самобытности национального характера, как мудрый просветитель.

«История» Карамзина — это тоже своеобразная портретная галерея русских героев. И автор не делает социальных различий: русский народ предстает у него в единстве национального духа. Образы военачальников, праведных правителей, простолюдинов воплощают лучшие черты национального характера.

Карамзинская «История» в высшей степени художественное произведение. Принципы исторического повествования, включающие самые разные нарративные стратегии, то, что будет обосновано в трудах представителей французской романтической историографии Гизо, Тьери, Баранта и поэтически выражено в исторических романах Вальтера Скотта, подготовили «Думы» Рылеева, пушкинскую трагедию «Борис Годунов», всю деятельность Пушкина-историка, открытия русского исторического романа от «Юрия Милославского» М. Загоскина и «Ледяного дома» И. Лажечникова до «Тараса Бульбы» Гоголя и «Капитанской дочки». Карамзин поистине приучил русское общество и русскую словесную культуру мыслить историософски.

Русская история 1800—1830-х годов как реальность и карамзинская «История» как ее словесное выражение заявляли о своей «всемирной отзывчивости». Остро осознанное, перечувствованное «своё» способствовало более глубокому проникновению в «чужое». Образ Наполеона и проблема наполеонизма — органическая составляющая русского литературного процесса от Жуковского до Гоголя. Греческая тема как высшее выражение национально-освободительного движения заполняет пространство русской поэзии 1820-х годов. Образы испанского револю-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru